Наш долг - помнить

30 октября— День памяти жертв политических репрессий

ород Энгельс, окраина, последние дни августа 1941 года. Где-то далеко идёт война, репродуктор передаёт тревожные сообщения, объявляются учебные воздушные тревоги, население учат пользоваться противогазами. Долгие очереди за хлебом, проблемы с продуктами. Непростые будни военного времени, среди которых жила и наша семья.

Первого сентября я должен был пойти в школу, во второй класс. Но пришла газета с указом о выселении немцев из района Поволжья, и у нас, как и у всех российских немцев, начался совсем другой отсчёт времени. К нам пришёл человек в полувоенной форме, переписал нашу семью, сообщил время погрузки в эшелон и номер нашего вагона.

Потом был вокзал, где люди грузились в «телячьи» вагоны, двухнедельная дорога в Сибирь, через среднеазиатскую жару. До деревни добирались уже на подводах. Вскоре родителей увезли в трудармию, на лесоповал, отца – в лагеря Вятлага, мать – в тогдашнюю Бурят-Монголию. Ну а я скитался по детским домам Сибири и Урала.

Конец войны застал меня в Се-

ровском детском приёмнике. «Теперь, наконец, всё будет по-другому, я увижу родителей», — радовался я. Но «по-другому» не стало — было ещё несколько детдомовских лет, потом Казахстан и годы спецкомендатурного режима. И со своей матерью я встретился только через восемь лет — из Улан-Уде «на восстановление с сыном» её под конвоем привезли в 1953 году.

Когда я оказался в Казахстане (в 1948 году), мне исполнилось шестнадцать, спецкомендатура поставила меня на учёт. Мне сказали, что я здесь навечно, и что всю эту «вечность» я буду ходить под угрозой получить «двадцать лет каторжных работ». Каждый месяц я должен приходить «отмечаться», а после того, как меня, школьника, назначили «десятидворкой», обязали являться каждую нелелю.

Для меня, юноши, это было потрясением — война закончилась три года назад, даже вражеских пленных, убивавших людей, как пишут газеты, отпускают домой, а меня, как и всех российских немцев, мирных граждан своей страны, всё продолжают и продолжают за что-то преследовать, делают людьми второго сорта. Это

потрясение осталось у меня на всю жизнь. И последующие десятилетия я жил стремлением доказать, что не человек второго сорта.

Проучившись в шести разных школах (первый класс в Поволжье, потом Сибирь, Урал, Казахстан), я таки получил среднее образование. Но, оказалось, эря — в институты нас не принимали, пришлось поступать в техникум. Попытка поступить в техникум у меня была после седьмого класс. Я успешно сдал экзамены, но на собеседовании меня выгнали: «немцев принимать не будем».

Я послал документы в техникум в Кокчетавской области, но мне их вернули. Только в Караганде, где на шахтах не хватало специалистов, я смог поступить в горный техникум, окончив который, я получил теперь уже среднее техническое образование. Потом, будучи уже семейным, окончил вечернее отделение горного института. Защитил в Москве диссертацию, стал кандидатом технических наук, преподавал в институте, доцент.

Много лет работал, сначала на шахтах, потом в проектном институте, где прошёл путь от младшего техника до вице-президента одной из крупнейших в Союзе проектных организаций. Мы занимались угольной промышленностью Казахстана и Средней Азии, и созданные нами предприятия, среди которых уникальные, не имеющие аналогов в мире, успешно действуют и сегодня.

Я не был членом партии, был

 Воспитанники одного из детских садов, созданных для детей спецпереселенцев

«немцем», но власти «вынуждены» были признать меня как специалиста — у меня государственные награды, в том числе орден «Знак почёта», медали ВДНХ (Выставки Достижений Народного Хозяйства СССР), я полный кавалер знаков «Пахтёрская слава» (трёх степеней), «Почётный работник угольной промышленности», лауреат Государственной премии СССР.

Не всех немцев, чьё детство пришлось на годы репрессий, сломали трудности тех лет. С того дня, как появился «Указ от 28 августа»,

прошло семьдесят долгих лет. На память приходят скупые рассказы отца о первых годах трудармии: в их лагере умирало много людей, их складывали штабелями (до весны), воспоминания матери о трагедии мобилизованных женщин, вынужденных, где придётся, оставлять своих детей «старше трёх лет». Да и мне есть, что вспомнить о десятилетиях репрессий, через которые прошли могульно обвинённые» (как признали потом сами власти) и за что-то наказанные российские немцы.

Роберт РИДЕЛЬ.

Примечание: Заголовок статьи и текст к снимку – редакции газеты.